

Можно предположить, что основная проблема человека – это его взаимоотношение со временем. Но не столько с исторической эпохой, сколько со временем его собственного бытия. Интенсивность внутреннего ощущения бытия и есть ключ к человеческой личности.

Обыкновенный, «нормальный», что ли, человек живет настолько интенсивно, насколько побуждают его к тому сами обстоятельства. Жить – значит «крутиться», «вкалывать» и т. д. Житейская мудрость определила такое состояние многими терминами, зафиксировала многими поговорками.

Бывает, что люди из времени выпадают. Некая главная пружина их жизни ломается, и они начинают ходить, как испорченные часы, или же напрочь останавливаются.

У одних пружина ломается с горя, от непереносимой тяжести бытия, жизненных испытаний. У других же «часы» останавливаются по лености или же духовному ожирению.

Современная советская цивилизация подобна гигантскому будильнику, у которого не только пружина сломалась, но даже и стрелки, как в «Земляничной поляне» Бергмана, исчезли куда-то.

Причиной, вероятно, – невыносимая тяжесть жизни одних (обездоленных) как следствие наглого, хамского, долголетнего сна других (власть имущих), непомерно раздобревших от награбленного.

Люди, которым удалось сохранить естественную связь со временем в нашей стране, – на вес золота. Хочется верить, что им принадлежит будущее.

*

Есть еще одна, уж совсем ничтожно малая категория лиц. Это – те, кто «вышел из времени осознанно, актом творческой воли.

К ним я могу отнести московского композитора Юрия Буцко.

Его подвижнический жизненный и творческий путь, мне кажется, уникален: вышедший сознательно из окружающей его действительности уже в конце 60-х годов, композитор «затворился» на четверть века в самом центре Москвы, «возвращаясь» иногда в мир, чтобы заработать на хлеб насущный для себя и своей семьи киномузыкой.

Все же остальное время композитор «потратил» на создание огромного количества сценических, симфонических и камерных опусов, за редким исключением не известных по сей день публике, не принятых профессионалами и не снискавших автору денег. В опусах этих ему удалось запечатлеть факт собственной жертвы, своего собственного сторагья в интенсивном творчестве.

Прецедент сей не нов, конечно же. Малер и Шёнберг, Чайковский и Шостакович распорядились, как известно, жизнью своею примерно так же. Однако сугубо *христианская* направленность жизни и творчества Буцко сильно контрастирует с идеями и чаяниями наших современников.

Сознание композитора словно «остановилось» на персонаже Христа, точнее, на Распятии. Он на долгие годы как бы замер на боли Спасителя.

Не принявший своего времени композитор захотел, однако, и смог принять историю европейской и русской классической музыки целиком, без фрондерства и «революционной» саморекламы, столь свойственных многим современным авторам.

Непримиримый в жизни, он оказался весьма терпимым к слабостям и заблуждениям классической музыкальной культуры, во имя живительного флюида прямой музыкальной традиции. Вечно терзаемый прошлым – пусть даже утопическим – музыкальным согласием, автор отвел себе в этой истории весьма скромное место: не «над» творцами прошлого с «высот» современности, как это сделал, скажем, Булез, но где-то внизу, у «пьедесталов», уверенный в том, что величия классиков уже никому никогда не достичь, а реформировать их музыкальный язык лишь ради самоутверждения не имеет смысла.

Две ностальгии, помноженные одна на другую, – евангельская и музыкальная – дают весьма неожиданный результат. Классический музыкальный язык как бы переосмысливается и приобретает новое дыхание, о котором автор сей, может быть, даже и не подозревает.

Одним из наиболее ярких документов, зафиксированных пером Юрия Буцко, является, вероятно, Второй виолончельный концерт, сыгранный не так давно в Воронеже Ю. Семеновым и местным симфоническим оркестром под управлением В. Вербицкого.

Этот программный получасовой опус, написанный десять лет назад, повествует «тяжелыми» звуками о мученическом пути Христа, о Распятии и Воскресении. Живописная сила этого сочинения, несмотря на скромность выбранных автором средств, необычайна.

*

Мне кажется, что новая русская музыка, очищенная от позднего советского барокко, должна сложиться вокруг таких людей, как Юрий Буцко, как складывались когда-то скиты вокруг великих молчальников.

В наше смутное время эта жертвенная жизнь подобна факелу, способному осветить дорогу блуждающим во тьме.